

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЬ“.

Вторая бібліотека.

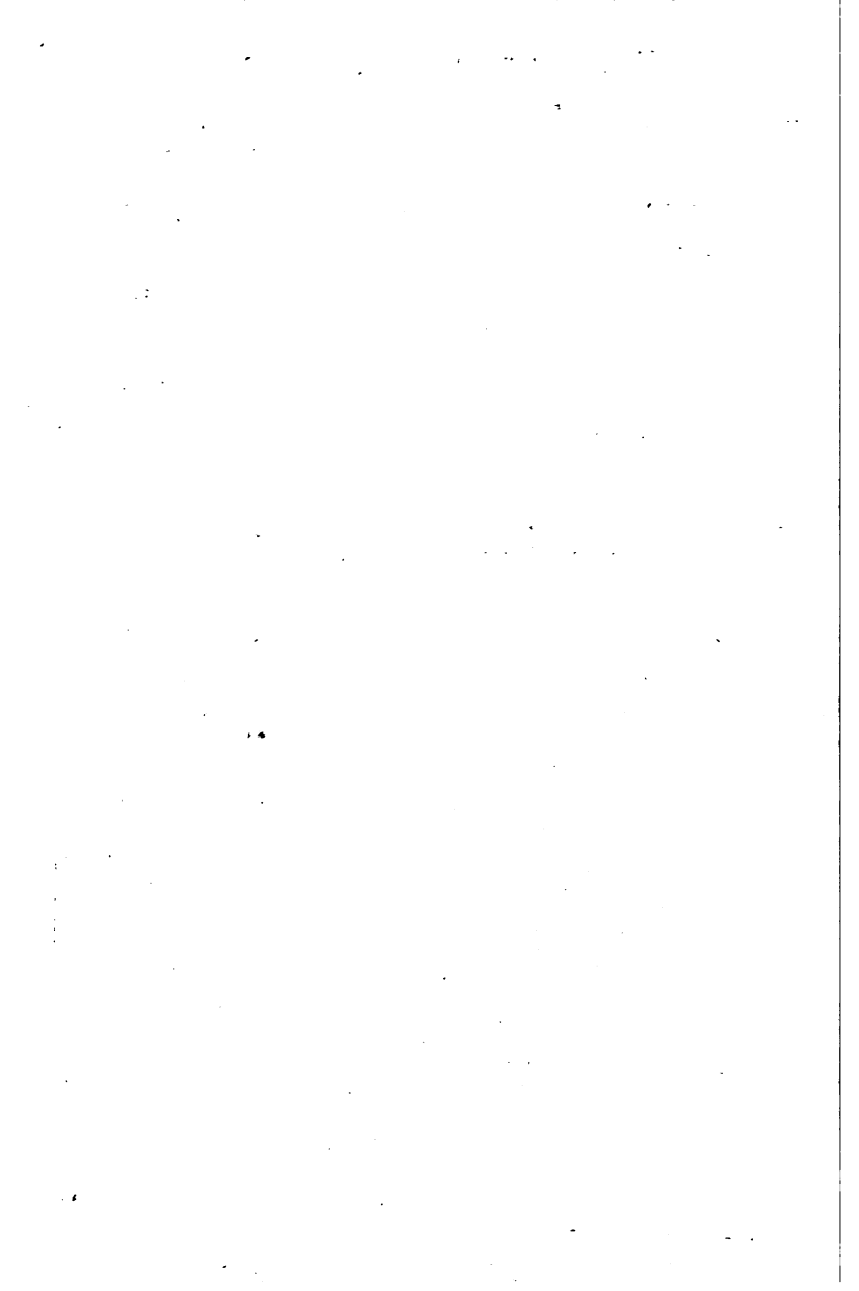
А. Н. Бахъ.

Экономическіе очерки.

ЦѢНА 15 КОП.

МОСКВА.

1905.

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЪ“.

Вторая бібліотека.

А. Н. Бахъ.

Экономическіе очерки.

МОСКВА.

—
1905.

Дозволено цензурою. 31 августа 1905 г

Если забыть на время собственные горести и заботы и взглядѣться внимательно въ окружающую насъ жизнь, какою чудовищною и непонятною съ перваго раза она покажется! Во всемъ оказывается непонятное противорѣчіе. Одни работаютъ до кроваваго пота,—другіе ничего не дѣлаютъ; одни голодаютъ и какъ мухи мрутъ отъ всякихъ болѣзней,—другіе живутъ въ роскошныхъ палатахъ и ѣдятъ на серебрѣ и золотѣ; одни горюютъ и страдаютъ,—другіе радуются и веселятся. Разсуждая по божески, надо бы ожидать, что какъ разъ тому и живется хорошо. кто трудолюбивъ да бережливъ: все у него спорится, все идетъ ладно. Вотъ у него и палаты роскошныя, и ѣсть онъ на серебрѣ и на золотѣ, и пиръ у него горой. Тѣ же, которые ничего не дѣлаютъ,—тѣ, на рѣкахъ Вавилонскихъ сидя, горько плачутъ, потому что, если ты ничего не хочешь дѣлать, если ты лѣнтяй, или пьяница, такъ пѣняй на себя: терпи всякую напасть, потому—самъ виновать.

Какъ будто такъ должно бы быть и по божескимъ и по человѣческимъ законамъ... Анъ не тутъ то было. Голодаютъ и холодаютъ, какъ мухи мрутъ отъ болѣзней, терпятъ бѣды и напасти, скорби и печали какъ разъ тѣ, которые работаютъ до кроваваго пота. А тѣ, которые ничего не дѣлаютъ, тѣмъ—не жизнь, а масленица. Иной только и умѣетъ, что мотать, а денегъ у него и куры не клюютъ. Гдѣ же справедливость? Если ты не родился сыномъ богача, то такъ и суждено тебѣ весь твой вѣкъ маяться. Чуть тебя отъ земли видно, горе и бѣда уже подстерегаютъ тебя, подхватятъ и пойдутъ мыкать по бѣлу свѣту. Ты, примѣрно, крестьянскій сынъ. Тебѣ минуло 4 года, и ты уже начинаешь чувствовать ярмо на своей шеѣ. Тебѣ бѣгать и гулять хочется; нѣтъ, тебѣ даютъ хворостину и заставляютъ гусей пасти. Подросъ ты еще, тебѣ даютъ слѣдующій чинъ—пасти

свиной, а тамъ дальше—телятъ и все, что слѣдуетъ по порядку. Но все это только цвѣточки. Чины-то эти проходишь играючи. А вотъ тебѣ и ягодки. Тебѣ минуло восемь лѣтъ. Наступила зима. Кто побогаче, отдаетъ ребятъ въ школу. Хочется и тебѣ въ школу—весело тамъ съ ребятами. Нѣтъ, шалишь, линія тебѣ не выходитъ. У тятки твоего хлѣбушко плохо уродился, податей и недоимокъ цѣлая уйма, платить нечѣмъ, а ртовъ много. Вотъ онъ и бьется, какъ рыба объ ледъ. Прослышалъ онъ, что сосѣдній баринъ открылъ спичечную фабрику, объявился благодѣтель, который малышамъ работу даетъ. Тебѣ на фабрику такъ же хочется, какъ грѣшнику лизать горячую сковородку. Но что подѣлаешь! тятка ведетъ. Знаетъ онъ, горемыка, что тебѣ за 12 и 14 часовъ труда каждый день будутъ давать по гривеннику; знаетъ онъ, что отъ сѣры и фосфора ты начнешь чахнуть и хворать на фабригѣ. Горько ему, но все же онъ разсчитываетъ, что и твой гривенникъ въ пользу хозяйству.

Если тебѣ повезетъ счастье, если не скрутитъ тебя еще ребенкомъ болѣзнь, либо не свернетъ тебѣ шею какая-нибудь заводская машина, и ты кое-какъ дотянешь до 18 лѣтъ, тогда тебѣ приходится подумать о своей судьбѣ. Со спичечной фабрики тебя прогнали, потому что тамъ и малыши могутъ работать: имъ вѣдь меньше надобно платить, чѣмъ взрослымъ, а тебѣ работать за гривенникъ въ день обидно. Оставаться тебѣ въ деревнѣ при отцѣ тоже не приходится. Надѣлъ земельный у насъ малъ, платежей много; приходится итти тебѣ въ отхожій промыселъ, а иначе семья твоя не сведетъ концовъ съ концами. Ты отправляешься въ городъ; поступилъ ты тамъ, примѣрно, на ситцевую фабрику. Чудно тебѣ показалось, когда тебя поставили къ машинному станку; трудно было справляться съ нимъ. Того и гляди, что или пряжу испортить, или руку тебѣ захватить въ шестерню. Но мало-по-малу ты привыкъ къ этому дѣлу; проработалъ ты два—три года, а то и больше, приспособился ты совсѣмъ къ этому дѣлу, и вышелъ изъ тебя самый настоящий ткачъ. Живешь ты съ грѣхомъ пополамъ и думаешь весь свой вѣкъ быть ткачемъ—вдругъ трахъ! Хозяинъ объявляетъ, что онъ долженъ половину рабочихъ отпустить,

потому что на ситцы требованія нѣтъ, а работаетъ онъ себѣ въ убытокъ. Вылетишь ты такимъ манеромъ въ трубу вмѣстѣ со многими своими товарищами. Сунетесь вы къ другому ситцевому фабриканту, а онъ вамъ скажетъ: «извините, голубчики, своихъ-то рабочихъ едва сбылъ, еще за полиціей посылать приходилось». И вотъ ты со своимъ ткачествомъ остаешься, какъ ракъ на мели. Нѣту на тебя требованія и баста!

А пить-ѣсть все же надо. Дѣлать нечего, поступаешь ты на другую фабрику, на какую только приняли. Попалъ ты, примѣрно, на чугунно-литейный заводъ. Одинъ Богъ знаетъ, сколько ты горя и адскихъ мукъ примешь, пока хоть малость приспособишься къ этому дѣлу и забудешь свое ткацкое ремесло. Только ты приспособился, а тебя опять гонять, опять приспособляйся къ третьему дѣлу. И такъ-то весь свой вѣкъ маешься: не знаешь, куда идешь, не знаешь, съ какой стороны на тебя бѣда грянетъ.

Оглянешь кругомъ—горько и обидно тебѣ станетъ за себя и за другихъ. Тоже, вѣдь, ты человѣкомъ называешься, по образу и по подобію божію созданъ, а своей воли въ тебѣ какъ разъ столько же, сколько и въ какой-нибудь щепкѣ, которую несетъ и кидаетъ рѣзвая волна. Такъ тебя и бросаетъ во всѣ стороны злосчастная судьба, рветъ и треплетъ, а когда въ конецъ измочалить, она выброситъ тебя куда-нибудь на мостовую или подъ заборъ. Околѣвай, молъ!

Что жъ это за судьба такая, что жъ это за сила невѣдомая, которая такъ жестоко командуетъ людьми, играетъ ими, какъ щепками, лишаетъ ихъ своей воли? Велика эта сила! Вотъ что о ней сказалъ Некрасовъ:

Въ мірѣ есть царь: этотъ царь безпощаденъ,

Голодъ—названье ему...

Вотъ это что за сила! Голодъ орудуетъ людьми, но не страшень былъ бы голодъ, если бъ злые порядки людскіе не давали ему такой страшной силы. Все горе отъ людскихъ порядковъ. Отчего однимъ хорошо, другимъ худо, отчего одни роскошествуютъ, другіе пухнуть отъ голода?

Много мукъ приняла человѣческая душа, пока разрѣшила

себѣ эту задачу, пока дознала, гдѣ правда, гдѣ кривда въ людскихъ порядкахъ.

|| Объ этой правдѣ и кривдѣ людскихъ порядковъ и поведемъ теперь рѣчь. Если все памъ ясно будетъ, можетъ быть, легче будетъ людскому горю помочь.

ГЛАВА I.

Сотрудничество. Раздѣленіе труда. Обмѣнъ. Товаръ.

Чтобы легче было понять, въ чемъ суть нынѣшнихъ порядковъ, мы начнемъ издалека. Если мы хотимъ узнать, хорошенъко какого-нибудь человѣка, мы первымъ долгомъ разспрашиваемъ про все житье-бытье его съ малолѣтства. И когда вся его прежняя жизнь передъ нами какъ на ладони, намъ уже не трудно разобрать его по косточкамъ и рассказать, что онъ за человѣкъ. Также вотъ и весь родъ человѣческій. Если дознаться, какъ онъ жилъ отъ стародавнихъ временъ и до нашего времени, какъ онъ дошелъ до теперешняго своего состоянія, такъ для насъ сразу многое разъяснится.

Въ стародавнія незапамятныя времена весь родъ людской жилъ такъ, какъ теперь живутъ въ лѣсахъ и пещерахъ, безъ селъ и городовъ, безъ дорогъ и мостовъ полуголые дикари. Жалкое, прежалкое существо этотъ дикарь! Силы у него мало, а природнаго оружія никакого. Природа дала быку рога, волку острые зубы, льву крѣпкіе когти. Все это для защиты отъ нападенія. А у дикаря что? Только какая-нибудь заостренная палка—вотъ все его оружіе! А жить и дикарю хочется. Приходится пищу добывать, а главное—защищать свою шкуру отъ враговъ-звѣрей. Понятно, что питаться ему приходится всякой дрянью, не то что какому-нибудь льву или медвѣдю, который каждый день добываетъ себѣ на обѣдъ быка либо оленя. Что касается враговъ, то всякій звѣрь, который посильнѣе дикаря, сколько угодно обижаетъ его и даже не стѣсняется употребить его на обѣдъ или ужинъ. Нашъ несчастный дикарь только ревмя реветъ отъ такихъ поряд-

ковъ. Гдѣ ему искать помощи и защиты? Конечно, у такихъ же несчастныхъ дикарей, какъ и онъ самъ. И вотъ мало-помалу наши дикари начинаютъ собираться. Чувствуютъ, что сразу у нихъ бодрости прибавило. Первымъ дѣломъ, имъ всѣмъ скопомъ удалось убить большого оленя, и ѣли они его цѣлый день. А когда къ нимъ сунулся медвѣдь, они всей компаніей наѣли на него и живо расплатились съ нимъ за его прежніе грѣхи. Если бы дикари не собрались въ компанію, а жили бы отдѣльно, то каждый изъ нихъ не видалъ бы оленины, какъ своихъ ушей, а можетъ быть и самъ, собственной персоной, угодилъ бы медвѣдю на завтракъ. А теперь всякій и оленины покушалъ и медвѣдя палкой ткнулъ. Наши дикари мотають это себѣ на усъ, начинаютъ смекать, что всѣмъ вмѣстѣ куда сподручнѣе дѣла обдѣлывать; можно и на крупнаго звѣря охотиться, а всякимъ медвѣдямъ и волкамъ такого страху нагнать, чтобъ они крѣпко-накрѣпко помнили силу человѣка. Если ужъ разъ засѣла въ головѣ дикарей мысль о выгодѣ совместной жизни, они цѣпко держатся другъ за друга, и никому изъ нихъ нѣтъ охоты отдѣлиться отъ компаніи и опять начать безпомощную жизнь. Такимъ образомъ, мы видимъ, что главной причиной жизни обществомъ, скопомъ, является нужда и безпомощность, заставляющія людей соединять свои силы, какъ для добыванія себѣ пищи, такъ и для защиты отъ враговъ. Такое соединеніе силъ называется *сотрудничествомъ*, совместнымъ трудомъ. Чтобы показать всю выгоду и необходимость сотрудничества, я приведу такой примѣръ:

Нужно перенести съ одного мѣста на другое 10 чугунныхъ столбовъ, въсомъ каждый въ 20 пуд. За это дѣло взялись 10 человѣкъ. Если всякій изъ нихъ возьметъ себѣ одинъ столбъ, захочетъ перенести его, то хоть возись надъ нимъ весь свой вѣкъ, онъ его и съ мѣста не сдвинетъ. А если всѣ 10 человѣкъ соединять свои силы, возьмутся за одинъ столбъ, потомъ за другой и такъ далѣе, то они живо дѣло сдѣлають. Такова сила сотрудничества! Итакъ, мы можемъ сказать, что *нужда и безпомощность соединяють людей и заставляютъ сотрудничать и жить обществами, или общинами.*

Всякая такая община, чтобы не пропасть, должна заботиться о своей безопасности и о средствах къ своему существованію. По мѣрѣ того, какъ развивается человѣческій умъ и увеличивается человѣческое знаніе, всякая община дѣлаетъ все, что можетъ, для обезпеченія своего благополучія: она пашетъ, сѣетъ, разводитъ скотъ, собираетъ плоды и проч. Но не всѣ мѣста на поверхности земли обладаютъ одинаковыми качествами. Поэтому не всѣ общины могутъ заниматься однимъ и тѣмъ же трудомъ. Одной общинѣ попался хорошій черноземъ—она сѣетъ много хлѣба. Другой общинѣ попалось луговое мѣсто—она приналегла на скотоводство. Третьей общинѣ попалось болотное мѣсто: хлѣбъ у нея плохо родится, но зато въ болотѣ оказалась руда желѣзная, и община стала заниматься кузнечнымъ дѣломъ. И такъ далѣе. Словомъ, всякая община наравитъ заняться тѣмъ дѣломъ, какое ей всего сподручнѣе. Что же выходитъ? У одной общины много хлѣба, но она нуждается въ топорахъ и во всякихъ желѣзныхъ издѣліяхъ. А у другой общины много желѣзныхъ издѣлій да хлѣба мало. Какъ тутъ быть? Выходитъ и одной общинѣ плохо, и другой плохо. И вотъ общинники случаемъ или разспросами доходятъ другъ до друга. Одни объясняютъ, что у нихъ много хлѣба, да желѣзныхъ издѣлій нѣтъ; другіе—что у нихъ всякаго желѣза непочатый уголь, да хлѣба мало. Само собою, у нихъ выходитъ обмѣнъ. Они обмѣниваются своимъ добромъ, и теперь въ обѣихъ общинахъ есть и хлѣбъ и желѣзные издѣлія. А разъ познакомившись, общинники въ слѣдующіе годы продолжаютъ обмѣниваться тѣмъ, что сработаютъ или, какъ говорится по-ученому, своими *продуктами*.

Когда дѣло достаточно наладится, наши кузнецы начинаютъ разсуждать такъ; «наша болотина—неурожайное для хлѣба мѣсто, даромъ только время теряемъ въ работѣ. Ужъ лучше бросимъ хлѣбопашество и будемъ одно свое кузнечное дѣло знать. Что сработаемъ, вымѣняемъ у сосѣдей на хлѣбъ и что нужно». Обмѣмъ нашимъ общинамъ нужны и хлѣбъ и желѣзные издѣлія. Но теперь они устроились такъ, что черноземная община производитъ только хлѣбъ, а болотная—одни желѣзные издѣлія, а потомъ и обмѣниваются своими продуктами. Такимъ образомъ, общины раздѣлили между

собой трудъ—одна занимается однимъ хлѣбопашествомъ, другая только кузнечнымъ дѣломъ—устроили *раздѣлене труда*. Такъ какъ всякая подобная община старается заниматься только тѣмъ дѣломъ, какое ей сподручно, то раздѣленіе труда возникаетъ между многими общинами, потомъ происходитъ взаимный обмѣнъ продуктовъ. Но и внутри общины тоже должно возникнуть раздѣленіе труда. У одного силища страшная, деревья съ корнемъ выворачиваетъ; полевой работникъ хоть куда изъ него. Но заставъ его сапоги шить, онъ такіе сошьетъ, что и показать людямъ будетъ стыдно. А другой хилый — косы не подниметъ, да зато хорошо сапоги шьетъ. Обоимъ нужны и хлѣбъ и сапоги. Но чтобы не маяться безъ толку пахарю надъ шиломъ, а сапожнику — надъ косой, всякій изъ нихъ дѣлаетъ одно дѣло: пахарь сѣетъ хлѣбъ, а сапожникъ шьетъ сапоги; затѣмъ они обмѣниваются своими продуктами. Такимъ образомъ они и подѣлили между собой трудъ. И вообще, такъ какъ всякій человекъ охотнѣе берется за такое дѣло, которое ему по натурѣ, то въ общинѣ непременно происходитъ раздѣленіе труда. Если въ общинѣ 30 человекъ, то изъ нихъ, примѣрно, человекъ 17 пахарей, 2 сапожника, 3 портныхъ, 2 кузнеца, 5 плотниковъ, 1 печникъ. Всякій изъ нихъ дѣлаетъ одно какое-нибудь дѣло, но всѣ вмѣстѣ они готовятъ все что необходимо для существованія общины: хлѣбъ, сапоги и пр. Всѣ члены общины сотрудничаютъ, но трудъ ихъ раздѣленъ: всякій дѣлаетъ одно дѣло, помня хорошо, что за двумя зайцами погонишься, не поймашь ни одного. Что раздѣленіе труда дѣйствительно выгодно, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Хорошій сапожникъ сошьетъ пару сапогъ въ два дня. А если кузнецъ броситъ свое дѣло и вздумаетъ шить себѣ сапоги, то онъ ихъ и въ двѣ недѣли не сошьетъ. Такая же исторія будетъ и съ сапожникомъ, если онъ вздумаетъ себѣ ножи дѣлать. Словомъ, при раздѣленіи труда всякій человекъ, избравшій себѣ одну какую-нибудь часть, приспособляется къ ней и работаетъ по своей части лучше и скорѣе, чѣмъ такой, у котораго двадцать дѣлъ на рукахъ. Раздѣленіе труда дѣлаетъ трудъ болѣе спорымъ, или, какъ говорятъ, увеличиваетъ *производительность* труда.

Такъ какъ при раздѣленіи труда всякій производитъ только какой-нибудь одинъ изъ всѣхъ необходимыхъ ему продуктовъ, то само собой разумѣется, онъ долженъ вымѣнивать свои продукты на тѣ, которыхъ ему не достаетъ. Напримѣръ, сапожникъ, который производитъ одни сапоги, долженъ вымѣнивать ихъ на хлѣбъ, соль, одежду и проч. Такъ же должны поступать и всѣ другіе производители. Такимъ образомъ, при раздѣленіи труда непременно долженъ существовать обмѣнъ продуктовъ.

Всякій производитель для себя лично производитъ небольшое количество своего продукта. Сапожникъ, который сошьетъ 150 паръ сапогъ въ годъ, для себя оставляетъ, примѣрно, двѣ пары. Остальные 148 паръ онъ производитъ для обмѣна на другіе нужные продукты. Эти 148 паръ будутъ уже *товаромъ*.

Всякіе продукты, которые производятся для обмѣна (или для продажи), называются *товаромъ*.

Итакъ, выходитъ, что раздѣленіе труда вызываетъ необходимость обмѣна и заставляетъ людей производить продукты для обмѣна (для продажи),—производить *товары*.

Если вспомнимъ все сказанное въ этой главѣ, то придемъ къ заключенію, что нужда и беспомощность заставляютъ людей соединяться въ общества и прибѣгать къ сотрудничеству. Затѣмъ различіе мѣстныхъ условій и разнообразіе силъ и способностей отдѣльныхъ людей вызываютъ раздѣленіе труда въ сотрудничествѣ, какъ между отдѣльными общинами, такъ и между членами одной и той же общины. Раздѣленіе труда въ свою очередь вызываетъ обмѣнъ продуктовъ и производство продуктовъ для обмѣна—*производство товаровъ*.

ГЛАВА II.

Цѣнность товаровъ.

Мы уже знаемъ, что раздѣленіе труда непременно вызываетъ обмѣнъ товаровъ. Спрашивается теперь, какъ узнать, сколько одного товара надо отдать за другой.

Возьмемъ для начала, нарочно, самый простой примѣръ. Сапожникъ хочетъ обмѣнять у ткача пару сапогъ на холстъ. Сколько онъ долженъ получить холста за свои сапоги? Конечно, сапожникъ наравитъ получить какъ можно больше холста, а ткачъ отдать какъ можно меньше за сапоги. На чемъ же они сойдутся? Если сапожникъ запроситъ за свои сапоги черезчуръ много холста, напр. 40 арш., то ткачъ, навѣрное, скажетъ ему: «ишь-ты! сапоги сработалъ въ два дня, а съ меня 40 аршинъ холста загнулъ! Того не понимаетъ, неразумная башка, что я надъ холстомъ-то этимъ 4 дня работалъ!» Если же, наоборотъ, ткачъ предложитъ сапожнику за его сапоги всего лишь 10 арш. холста, то и сапожникъ ему скажетъ: «тоже вѣдь мастакъ! Я надъ сапогами 2 дня спину гнулъ, а ты свои 10 аршинъ холста за одинъ день соткалъ! Нѣтъ, братъ, жирно будетъ получить сапоги за 10 аршинъ холста, пропорція не выходитъ!» Но такъ какъ сапожнику очень нуженъ холстъ на штаны, а ткачъ давно уже босикомъ бѣгаетъ, послѣдніе сапожишки износилъ, то надо же какъ-нибудь столковаться. Вотъ ткачъ и говоритъ сапожнику: «слушай, братъ, ты свои сапоги работалъ два дня. Ладно. Такъ и получи съ меня столько холста, сколько я сработалъ въ 2 дня. Вотъ тебѣ 20 арш. холста. Это будетъ какъ разъ въ пропорцію: ни тебѣ обидно, ни мнѣ». На томъ и порѣшили. Мы видимъ, что ткачъ и сапожникъ должны были цѣнить товары по тому времени, какое каждый изъ нихъ затратилъ на производство товаровъ.

Конечно, не всякій сапожникъ знаетъ, сколько времени нужно ткачу, чтобы сработать аршинъ холста; да и не всякій ткачъ знаетъ, сколько времени шьютъ сапоги: вѣдь не можетъ же всякій мастеровой знать всѣ ремесла. Но если разъ-другой нашъ сапожникъ и ткачъ не сумѣютъ высчитать, сколько товару кому придется, то, въ концѣ концовъ, они все-таки будутъ цѣнить свои товары по количеству времени, которое нужно, чтобы сработать ихъ. Выйдетъ это вотъ какъ. Положимъ, что сапожники стали бы обманывать ткачей и за каждую пару сапогъ брать съ нихъ не 20 арш. холста, а 25 арш. Ремесло сапожника, стало быть, было бы выгоднѣе ремесла ткача; сапожники жили бы себѣ припѣваючи, а ткачи

день и ночь гнули бы спину надъ работой. Всякій человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше, и поэтому многіе ткачи стали бы учить своихъ ребятъ сапожному ремеслу, и черезъ нѣсколько лѣтъ развелось бы столько сапожниковъ, что некому было бы скупать сапоги, которые они наготовятъ. Волей-неволей, лишь бы сбыть товаръ, сапожники другъ передъ другомъ стали бы сбивать цѣну на сапоги, стали бы ихъ отдавать не то что за 20 арш. холста, а и за 15, такъ что, наконецъ, ихъ ремесло стало бы невыгоднымъ и меньше народу стало бы заниматься имъ; тогда цѣна на сапоги опять поднялась бы, потому что сапогъ стало меньше. Если бы ткачи обманывали сапожниковъ, столяровъ, хлѣбопашцевъ и др., то и тутъ было бы то же. Народъ приналежъ бы на ткачество, заготовили бы слишкомъ много холста, и холстъ подешевѣлъ бы настолько, что невыгодно бы стало заниматься этимъ ремесломъ. Въ концѣ концовъ и выходить, что такъ или иначе, а товары стали бы цѣнить по тому времени, какое затрачивается на ихъ приготовленіе. Стало быть, по настоящему, обмѣниваясь товарами, обмѣниваются равными услугами, т. е. примѣрно одинаковое время работаютъ другъ на дружку.

Да какъ же иначе и могутъ цѣниться товары? На первый взглядъ иному покажется, что товары могутъ цѣниться по той пользѣ, которую они приносятъ людямъ: чѣмъ полезнѣе товаръ, тѣмъ больше за него и дадутъ. Но если бы товары цѣнились по пользѣ, то ничего бы не вышло изъ этого, кромѣ путаницы. Сегодня за сапоги иной радъ тридорога дать — очень ужъ холодно босякомъ бѣгать, завтра ему же сапоги и даромъ не нужны — онъ вчера вѣдь пару купилъ. Да и какъ узнать, какой товаръ полезнѣе, какой нужнѣе? Сегодня мнѣ сапоги нужны, завтра холстъ. Сегодня мнѣ хлѣба даромъ не надо, а завтра мнѣ и хлѣбъ, и сапоги, и холстъ понадобились. Воздухъ или вода всѣмъ нужны, всѣмъ необходимы, а никто за нихъ денегъ не платитъ, потому что и воздухъ и воду человѣкъ добылъ не своимъ трудомъ, а достались они ему даромъ отъ природы. Но за ту же воду приходится платить деньги, если для того, чтобы добыть ее, надо употребить трудъ. Напримѣръ, въ городахъ за воду приходится платить водовозу или за водопроводъ. Значитъ, и приходится цѣнить товаръ по

труду, который затраченъ на ихъ добываніе или производство.

Хорошо. Но представимъ себѣ такой случай. Нашъ сапожникъ, который хочетъ обмѣнять сапоги на холстъ, любить выпить и съ пьяныхъ глазъ провозился надъ сапогами не два дня, какъ слѣдовало, а цѣлыхъ четыре. И вдругъ онъ вздумалъ бы на этомъ основаніи запросить съ ткача не 20 арш. холста, а 40 арш. «Я молъ работалъ сапоги четыре дня, такъ и ты подай мнѣ за сапоги столько холста, сколько ты сработалъ въ четыре дня. Отдай 40 арш. холста!» Тогда всякій, конечно, сразу осадилъ бы нашего сапожника: «ты бы, милый человѣкъ, побольше глаза заливалъ, да на печи лежалъ, тогда бы и десять дней одну пару проработалъ, а потому поищи себѣ такого дурака, который бы тебѣ за нихъ сто арш. холста отвалилъ. А я ужъ лучше обмѣняюсь съ такимъ сапожникомъ, который сапоги работаетъ всего 2 дня и возьметъ съ меня за нихъ 20 арш. холста». Такъ сказалъ бы ткачъ, и сапожнику пришлось бы отдать свои сапоги за 20 арш. холста, если онъ не хочетъ тащиться съ сапогами обратно домой. Значить, сапожникъ былъ неправъ, когда, провозившись надъ парю сапогъ четыре дня, хотѣлъ получить за нихъ не 20 арш., а больше.

Итакъ, нашъ сапожникъ долженъ цѣнить свой товаръ не по тому времени, которое онъ сидѣлъ за сапогами, но по тому, *какое дѣйствительно необходимо*, чтобы сшить пару сапогъ. Если всѣ сапожники шьютъ по парѣ сапогъ въ два дня, то и его сапоги будутъ цѣниться трудомъ въ два дня, хотя бы случайно онъ потратилъ на нихъ и больше времени.

Словомъ, между нашими ремесленниками при обмѣнѣ товары цѣнятся по тому времени, какое необходимо для ихъ производства, или, какъ говорятъ, цѣнность товаровъ измѣряется количествомъ труда, который необходимъ для ихъ производства. Это правило надо запомнить, безъ него невозможно понять всѣ хозяйственные порядки, отъ которыхъ такъ горько приходится рабочему люду.